
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

THEORY AND HISTORY OF LAW ENFORCEMENT

УДК 34

DOI 10.52468/2542-1514.2023.7(1).5-14

«ЗОЛОТОЙ ВЕК РУССКОГО СТАРООБРЯДЧЕСТВА И СЕКТАНТСТВА»: РЕФОРМА ПРАВОВОГО СТАТУСА СТАРООБРЯДЦЕВ И СЕКТАНТОВ 1905–1906 гг. СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ*

А.С. Туманова, А.А. Сафонов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

20 апреля 2022 г.

Дата принятия в печать –

10 января 2023 г.

Дата онлайн-размещения –

20 марта 2023 г.

Ключевые слова

Государственно-
конфессиональные отношения,
история государства и права,
Россия начала XX в.,
старообрядцы, сектанты, секты,
С.П. Мельгунов

Анализируется правовое положение сектантов и старообрядцев различных согласий после выхода в свет указов 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» и 17 октября 1906 г. «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин». Исследование базируется на материалах российской общественно-политической и старообрядческой печати, а также документах частного происхождения. Воссоздается правоприменительный контекст реализации конфессиональной реформы 1905–1906 гг. и ее воздействия на юридический быт старообрядческих согласий и сектантов, в частности представителей так называемых «изуверных» сект. В фокусе внимания – правительственные указы и циркуляры, отклики на них специалистов, материалы судебных процессов над старообрядцами и сектантами.

“THE GOLDEN AGE OF THE RUSSIAN OLD BELIEVERS AND SECTARIANISM”: REFORM OF THE LEGAL STATUS OF OLD BELIEVERS AND SECTARIANS 1905–1906 THROUGH THE PRISM OF LAW ENFORCEMENT**

Anastasia S. Tumanova, Alexander A. Safonov

HSE University, Moscow, Russia

Article info

Received –

2022 April 20

Accepted –

2023 January 10

Available online –

2023 March 20

Keywords

State-confessional relations,
history of the state and law,

The article contains an analysis of the legal situation of sectarians and Old Believers of various consents after the publication of decrees on April 17, 1905 "On strengthening the principles of religious tolerance" and on October 17, 1906 "On the procedure for the formation and action of Old Believer and sectarian communities." The study is based on the materials of the Russian socio-political and Old Believer press, documents of private origin (diary entries of public and state figures), etc.

The focus of the authors' attention is government decrees and circulars, as well as materials of lawsuits against Old Believers and sectarians. The authors recreate the law enforcement context of the implementation of the confessional reform of 1905–1906 and its impact on the legal life of representatives of Old Believer consents and sectarians, in particular, representatives of the so-called "Izuver" sects. Using the possibilities of formal-legal, comparative-legal and especially historical-biographical methods of historical-legal research, in-

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 г. Отдельные положения и выводы исследования получены в ходе работы проектной группы факультета права НИУ ВШЭ «Современная история права: идеи и институты».

** The research was carried out within the framework of the Fundamental Research Program and the scientific project «Modern History of Law: Ideas and Institutions» in HSE University in 2023.

Russia of the beginning of the 20th century, Old Believers, sectarians, sects, S.P. Melgunov

volving the analysis of current legislation by contemporaries, the authors come to the conclusion that the practice of applying new legislation contained numerous problem places. There were bureaucratic methods of reform, and dubious in some cases expert opinions of missionaries at trials, and a lack of understanding of the differences between Old Believers and sectarians, and other factors that make up the so-called "executor effect," which hindered the implementation of religious reform. The main drawback of law enforcement practice was seen by religious scholars in maintaining the principle of administrative guardianship of religious societies, which reflected the inconsistency of state policy in this matter.

1. Постановка проблемы и историографический анализ

Начало XX столетия прошло в России под знаком масштабной реформы государственно-конфессиональных отношений. Издававшиеся в ту пору правовые акты касались представителей старообрядческих согласий и сектантов – наиболее дискриминируемых в правовом отношении конфессиональных групп Российской империи.

Указ 17 апреля 1905 г. провозгласил свободу вероисповеданий, допустив переход из православия в другие конфессии. Он уравнивал в правах старообрядцев и сектантов, приблизил их по правовому статусу к инославным, исключая последователей «изуверных» сект¹. Манифест 17 октября 1905 г. даровал свободу совести. За ним последовал Указ 17 октября 1906 г., уравнивший старообрядцев и вышедших из лона Русской православной церкви (далее – РПЦ) сектантов в правах с инославными, предоставил им право открыто исповедовать свою религию и объединяться в религиозные общества. Он впервые признал юридические права старообрядческих и сектантских общин [1, с. 35–38]. Старообрядческие общины и духовенство получили правовую базу для осуществления духовной, социальной, образовательной и иных видов деятельности [2, с. 330–624]. Старообрядческая Церковь была легализована и получила все права инославных конфессий, за исключением права публичной пропаганды своей веры [3, с. 289].

После 1905 г. произошли определенные юридические послабления в положении представителей так называемых «изуверных» сект. Указом 25 июня 1905 г. ссыльным по религиозным мотивам скопцам было дозволено по отбытии десяти лет ссылки на поселении в Сибири вернуться в Европейскую часть России [4, с. 75, 161]. Затерянные в сибирской тайге скопцы встретили новость об указе 1905 г. с благодарностью, признав его знаменем Божиим [4, с. 163].

Сходный настрой был и у старообрядцев. Старообрядец-проповедник Ф.Е. Мельников признал 1905–1917 гг. «золотым веком старообрядчества», полагая, что в межреволюционные годы возникли условия для нормальной общественно-религиозной жизни староверов [5, с. 407, 521–556]. К 1914 г., кроме ранее существовавших и восстановленных, было построено более двухсот храмов Белокрыницкой иерархии – наиболее крупного старообрядческого согласия, возникли два новых монастыря и были зарегистрированы 1 300 общин. С учетом всех согласий было основано свыше тысячи храмов [6, с. 208–209; 7, с. 144]. Активизировалась издательская деятельность. Только в Москве функционировало более 20 старообрядческих приходов, периодически проводились всероссийские съезды белокрыницких старообрядцев, беглопоповцев и поморцев.

Сюжетом статьи станет не само вероисповедное законодательство 1905–1906 гг., породившее коренные изменения в юридическом быте старообрядцев и сектантов, а проблема его применения. Будет проанализирована реакция на вероисповедные законы религиоведов С.П. Мельгунова и А.С. Пругавина, правоведа С.А. Котляревского.

Актуальность темы, связанной с изучением правоприменительной политики Российского государства в отношении старообрядцев и сектантов, объясняется тем, что эти религиозные общины имели длительную историю, восходящую к расколу РПЦ в XVII в. и ко временам правления Екатерины II, когда в центральных губерниях России были обнаружены отдельные мистические секты. Правовая история старообрядчества важна и поучительна для нас еще и потому, что до настоящего времени эта конфессия остается одной из крупнейших в России. В начале прошлого века в Российской империи насчитывалось порядка 2 млн старообрядцев, они составляли порядка 2 % населения империи. Современное

¹ Об укреплении начал веротерпимости: [Именной Высочайший указ, данный Сенату, 1905, 17 апр.] // Полное собрание законов Российской империи: собр. 3-е. Т. XXV:

1905. Отд-ние 1: От № 25605–27172 и Дополнения. СПб., 1908. С. 257–258. [Док.] 26125.

российское общество в очередной раз переживает период переоценки роли религии, что также актуализирует задачу реконструкции правовой политики имперского государства на примере взаимоотношений со старообрядчеством и сектантством. Подобная реконструкция позволяет выяснить причины незавершенности переустройства государственно-церковных отношений на принципах свободы совести в позднеимперский период.

В последние два десятилетия внимание исследователей было сосредоточено на политической и социальной истории старообрядчества и сектантства. Укажем на монографические исследования о старообрядцах М.А. Шахова и О.П. Ершовой [8; 9], определившие вектор развития старообрядческого общества во второй половине XIX – начале XX в. Политические настроения, наблюдавшиеся в сообществе ревнителей древнего благочестия в начале XX в., стали темой исследований В.В. Керова [10; 11] и П. Уолдрона [12], показавших, что по политическим взглядам наиболее крупные направления в старообрядчестве были близки к правым и, отчасти, центристам [13, с. 88; 14; 15, с. 17].

Предметом внимания исследователей является также духовная и материальная культура староверов, аккумулированная в работах о старообрядческой книжности и мировоззрении [16; 17].

В монографиях А.А. Сафонова и С.Л. Фирсова, диссертационном исследовании А.А. Дорской, а также в статье П.Н. Зырянова рассматривается законодательство начала XX в., кардинально менявшее правовой статус старообрядцев и сектантов [3, с. 279; 18, с. 153–159; 19; 20]. Обстоятельный раздел о политике государства в отношении старообрядчества в XVIII – начале XXI в. присутствует в исследовании И.И. Верняева [2, с. 330–624].

Существенную часть литературы о церкви поздней Российской империи составляют издания, посвященные сектантству. Укажем на монографии А. Эткинды о хлыстах и Л. Энгельштейн о скопцах, написанные в близком методологическом ключе, с акцентом на быт, мировоззрение и идентичность сектантов [4; 21].

Подводя итог обзору исследований, заметим, что внимание специалистов не было сосредоточено на правовой истории этих религиозных групп. Темой специального рассмотрения не стала ситуация с правоприменением в ходе реализации конфессиональ-

ной реформы начала XX в., коснувшейся старообрядческих согласий и крупных сект. Авторы стремятся к ликвидации данной лакуны. Они опираются на широкий круг источников, прежде всего на материалы общественно-политической печати, а также старообрядческую печать. Являясь информативным источником о настроениях в старообрядческих и сектантских кругах, а также в правительственных сферах по поводу предпринимаемых шагов в вероисповедном вопросе, печать отражала вектор развития отношений государства и религиозных групп.

2. Новая рамка юридического быта старообрядцев и сектантов

В ходе подготовки указа 17 апреля 1905 г. о веротерпимости члены Комитета министров высказались за вариативный подход к старообрядцам и сектантам. Старообрядцы были выделены в самостоятельную группу в составе раскола. Они именовались последователями толков и согласий, которые приемлют основные догматы РПЦ, но не признают ее обрядов и отправляют богослужение по старопечатным книгам. За старообрядцами закреплялось право совершать общественные моления, строить храмы и молитвенные дома на тех же основаниях, что и инославные христиане. Льготы предоставлялись лидерам их общин, которых стали именовать «наставниками» и «настоятелями». Они освобождались от воинской повинности и именовались духовными лицами. Однако использовать по отношению к ним наименование «священнослужители», характерное для православной иерархии, разрешено не было. Подобные меры воспринимались как легализация Православной Старообрядческой церкви. Старообрядцы и сектанты уравнивались в правах с инославными при совершении смешанных браков с православными. Предписывалось распечатать старообрядческие церкви и молитвенные дома².

Старообрядцы восприняли указ о веротерпимости восторженно. В старообрядческих храмах были отслужены благодарственные молебствия царю. Старообрядческая депутация поднесла Николаю II благодарственный адрес за подписью 76,5 тыс. лиц в знак дарования старообрядцам религиозной свободы³.

После 17 апреля 1905 г. свободу вероисповедания получила многомиллионная армия старообрядцев всех толков, ранее подвергавшаяся гонениям. По данным МВД, к 1 января 1909 г. в старообрядчество из православия в Российской империи перешли

² О веротерпимости: закон 17 апреля 1905 г. М., 1905. С. 39, 57–59.

³ «Свобода» веры // Церковь. 1911. № 6. С. 133.

4 240 чел.⁴ По уточненным в 1912 г. Департаментом духовных дел иностранных исповеданий МВД данным, к 1909 г. к старообрядцам перешло в 2,5 раза больше человек, а именно 10 837. Погодная динамика переходов в старообрядчество позволяет говорить об устойчивой тенденции переходов в староверие: в 1905 г. число переходов составило 2 709, в 1906 г. – 2 072, в 1907 г. – 1 976, в 1908 г. – 4 180, в 1909 г. – 2 571, в 1910 г. – 5 638, в 1911 г. – 4 723. За 1905–1911 г. от православия в старообрядчество отпало 23 869 чел.⁵

За актами 1905–1906 гг. последовали циркуляры с разъяснениями приобретенных старообрядцами религиозных прав. В циркуляре МВД томскому губернатору объяснялось, что старообрядцы могут совершать публично крестные ходы и иные религиозные процессии с участием духовенства в церковном облачении без особого полицейского разрешения. Московскому градоначальнику было разъяснено министром внутренних дел, что старообрядцы имеют право свободной проповеди в пределах старообрядческих храмов и молитвенных домов. В циркулярах, адресованных губернаторам, указывалось, что старообрядческие священнослужители могут подписывать метрические книги своим званием [22, с. 183–184].

Позитивному отношению власти к старообрядчеству было несколько объяснений. Ей импонировали монархические симпатии старообрядцев, их консерватизм и дисциплинированность. Так, председатель Комитета министров С.Ю. Витте отзывался о старообрядцах как о «наиболее преданной русским началам и православию... части русского народа» [23, с. 123]. Старообрядцев рассматривали как «значительный ресурс стабилизации и электоральной поддержки» [2, с. 564], а император ежегодно христосовался с ними на пасхальной седмице [24, с. 10].

Вместе с тем реализация вероисповедных указов сталкивалась с существенными сложностями. Они анализируются в работах С.П. Мельгунова – влиятельного московского публициста, представителя леволиберального крыла общественного движения. Мельгунов – специалист по старообрядчеству и религиозным движениям XVII–XIX вв. Свою позицию по поводу правового положения старообрядцев и сектантов Мельгунов формулировал, в первую очередь,

во влиятельной московской общественно-политической газете «Русские ведомости», ставившей задачу отстаивать терпимость по отношению к вероисповеданиям [25, с. 137].

Проблема правоприменения вероисповедного законодательства проходит «красной нитью» через работы Мельгунова. Она производна от проблемы бытования закона в обществе, выражающегося в его понимании и толковании подданными и представителями власти, связанных с состоянием общественного правосознания и технологий управления. Эта проблема составляет ключевой аспект теории и практики правоприменения [26].

Характеризуя состояние российского указного права, Мельгунов упоминал о вышедшем 19 февраля 1905 г. циркуляре министра внутренних дел, предписывавшем губернскому начальству «не допускать... применения к делам религиозного свойства положений о государственной охране и о полицейском надзоре». Возбужденные и уже находящиеся в производстве дела рекомендовалось прекратить, а также принять меры к устранению административных стеснений в области религии и к освобождению лиц, подвергшихся ограничениям. Публикование подобных циркуляров, рассуждал Мельгунов, имело целью «успокоить общественное мнение и убедить общество, что правительством предприняты... надлежащие меры для устранения многочисленных... административных злоупотреблений». В то же время циркуляр 1905 г. не помешал, по данным Мельгунова, полиции Одессы привлечь к уголовной ответственности 39 крестьян, молившихся по баптистскому обряду, и не препятствовал приговору рассматривавшего дело земского начальника оштрафовать за принадлежность к секте штундистов в размере 30 руб. с последующей заменой штрафа тюремным заключением на двухнедельный срок⁶.

Указывал Мельгунов и на то, что вероисповедные реформы проводились в жизнь бюрократическими средствами. В стране, в которой была провозглашена веротерпимость, на полях Маньчжурии раненые и умирающие старообрядцы были лишены возможности перед смертью услышать напутственное слово от своих духовников. Это несоответствие деклараций и реальности побудило эксперта на-

⁴ Законопроекты по вопросам вероисповедания, внесенные Министерством внутренних дел на рассмотрение Государственной Думы III созыва. СПб., 1912. С. 67.

⁵ Статистические сведения о старообрядцах (к 1 января 1912 г.) // Российский государственный исторический архив). Ф. 1276. Оп. 2. Д. 597. Л. 390.

⁶ Мельгунов С.П. Официальная веротерпимость // Русские ведомости. 1905. 16 апр. № 103.

звать российскую веротерпимость «официальной», не менявшей существенно содержание правовой жизни⁷. В январе 1913 г. публицист заметил, что «трагизм русской жизни» заключается «не только в том, что она полна правонарушениями, но и в том, что само право находится в балансирующем состоянии неопределенности, что особенно сказывается на вероисповедных законах»⁸. Необходимо, прибавлял он, чтобы возведенные в акты 1905–1906 гг. принципы были проведены с надлежащей полнотой в законодательстве и не были ограничены либо искажены администрацией. Более обстоятельное изучение Мельгуновым положения старообрядцев убедило его в том, что власти, включая представителей церковной иерархии, имели зачастую отдаленное представление о содержании старообрядческого учения и не всегда различали старообрядцев и сектантов. Даже после выхода в свет правовых актов 1905–1906 гг. староверы и последователи сект оставались для бюрократической элиты своеобразной *terra incognita*, «дикими изуверами», повинными в ритуальных убийствах младенцев и прочих грехах⁹.

Позицию Мельгунова в оценке указа 17 апреля и правовых его результатов разделял и А.С. Пругавин – специалист по истории церковного раскола, старообрядчества и сектантства. Признавая, что указ 17 апреля 1905 г. установил «далеко не полную свободу совести», которую «так страстно добивались лучшие люди русского общества», Пругавин вместе с тем признавал его «первым серьезным уроном политики насилия над совестью человека и грубого вмешательства в интимную область веры», поскольку он провозглашал «свободу религиозной мысли, хотя и с... существенными урезками». Пругавин предсказывал существенные послабления в положении старообрядцев и сектантов¹⁰.

3. Указы 1905–1906 гг. и их влияние на правовой быт старообрядцев и сектантов в оценках современников

В июне 1905 г. С.П. Мельгунов направился в первую служебную командировку. Ему предстояло понаблюдать, как в старообрядческой и сектантской среде было воспринято провозглашение веротерпимости и какие изменения принес указ 17 апреля в положение старообрядцев и сектантов.

По совету Пругавина Мельгунов отправился на юг, в с. Павловки Харьковской губернии, знаменитое судебным процессом над сектантами в июле 1901 г., когда в результате столкновения с православными 68 павловских сектантов оказались на скамье подсудимых. Их обвиняли в нападении на православных, сопротивлении официальным властям и поругании священных предметов. Посетил Мельгунов также села сектантов Полтавской и Херсонской губерний, подвергавшихся преследованиям властей под предлогом противоправительственного характера их учения.

Поездка в южные губернии была описана Мельгуновым в фельетонах «Среди сектантов. В поисках веротерпимости», опубликованных в «Русских ведомостях». Публицист вспоминал, что его фельетоны «...обратили... на себя внимание: их много цитировали» и с приведенными в них фактами правительство считалось. Фельетонами заинтересовался писатель Л.Н. Толстой. Павловцы считались толстовцами, поскольку пропаганда их вероучения шла от толстовца кн. Хилкова, владевшего хутором в Павловках [25, с. 163–164].

Мельгунов был первым на протяжении целого ряда лет, кому удалось проникнуть в село, отгороженное от мира полицейскими карантинами. Ему стоило больших трудов договориться с харьковским губернатором, полицейским стражником и становым приставом Павловок о кратковременном общении с сектантами. Вступив в общение с сектантами, Мельгунов был смущен тем, что информация об изданном двумя месяцами ранее указе о веротерпимости не была до них доведена. Журналист пришел к выводу, что указ, провозгласивший веротерпимость, никак не отразился на положении сектантов. Самого Мельгунова сектанты восприняли как правительственного чиновника, а местные полицейские власти – как подозрительного человека, сеявшего беспокойство в умах крестьян-сектантов¹¹.

Мельгунов сообщал читательской аудитории, что павловцы с момента зарождения в их среде религиозного вольномыслия принадлежали к секте толстовцев. Их мысли «блуждали в сфере немирских потребностей духа» и проповеди принципа непротивления злу, далеких от идеологии активных борцов за свободу в России. Между тем сектанты продолжали, по наблюдению журналиста, пребывать «в прежнем

⁷ Мельгунов С.П. Официальная веротерпимость.

⁸ Мельгунов С.П. Церковь и свобода совести // Русские ведомости. 1913. 1 янв. № 1.

⁹ Русские ведомости. 1905. 20 апр. № 105.

¹⁰ Пругавин А. По поводу закона 17 апреля // Право. 1905. 1 мая. Стб. 1354–1357.

¹¹ Мельгунов С. Среди сектантов. В поисках веротерпимости // Русские ведомости. 1905. 18 июня. № 162; 28 июня. № 172.

угнетенном состоянии» и выделяться из среды, на которую распространялись вероисповедные привилегии 17 апреля. «Религиозное возбуждение, проявившееся в столь резкой форме... в Павловках, – писал Мельгунов, – давно уже потеряло свой острый характер. Прежние руководители сектантов давно уже томятся “в глубине сибирских руд”... Какие же мотивы можно теперь привести для сохранения в прежней силе мер жестокости и притеснения? Таких мотивов нет! И каждое новое ограничение явится вопиющим нарушением неотъемлемых прав каждого человека на внутреннее самоопределение»¹².

В фокусе внимания Мельгунова находились в 1905 г. также последователи так называемых «изуверных» сект. Описывая уголовные процессы над сектой скопцов, публицист указывал на игравшую решающую роль в сектантских процессах экспертизу и необоснованность в ряде случаев позиций экспертов-миссионеров. В качестве примера приводился процесс над 83 крестьянами Скопинского уезда Рязанской губернии, обвиненных в принадлежности к секте. 65 человек, среди которых были лица, не принадлежавшие к секте, были приговорены к лишению прав состояния и высылке на поселение в Сибирь. Среди них были как дряхлые старики и старухи, так и подростки и даже дети. По словам освещавшего процесс корреспондента, большинство обвиняемых «производили чрезвычайно благоприятное впечатление своей скромностью и ласковым отношением друг к другу». Вместе с тем они были осуждены на основании мнения экспертов-миссионеров, не подкрепленного строгими доказательствами. Журналиста интересовал вопрос о гарантиях того, что после объявления в России веротерпимости подобные явления не повторяются. «Раз вероисповедная реформа не коснулась существа дела, – размышлял он, – не в праве ли мы ожидать, что наши эксперты-миссионеры и другие деятели православия постараются... найти признаки изуверства даже там, где другой бы увидел лишь идеальную нравственную чистоту?» Провозглашение веротерпимости порождало, по его мнению, принципиально иной подход к определению «изуверной» секты и степени ее общественной опасности. Определяя преступные свойства той или иной секты, суд должен был теперь точно установить практические проявления религиозных верований, в которых заключались изуверные и противонравственные действия¹³.

¹² Мельгунов С. Веротерпимость и сектанты в Павловках // Русские ведомости. 1905. 15 июля. № 188.

К положению старообрядцев Мельгунов обратился в 1906 г., когда вступил в партию конституционных демократов и активно включился в выборную кампанию кадетов. На собрании в Пресненском районе Москвы в октябре 1906 г. Мельгунов заявил, что партия делала ставку на старообрядцев и сектантов как на возможных союзников [27, с. 28–29]. Свою предвыборную агитацию Мельгунов построил на лозунге реализации свободы совести; он посвятил ей лекции, прочитанные в г. Богородске и Бронницы в конце 1906 – начале 1907 г.

В феврале 1907 г. Мельгунов выступил в заседании Юридического общества с характеристикой законопроекта о старообрядческих общинах 1906 г. Раскол трактовался им как форма протеста церковной иерархии попытке подчинить РПЦ государству и признавался прогрессивным явлением. Характеризуя проблему взаимоотношений Церкви и государства, Мельгунов приходил к выводу, что как Церковь не должна вмешиваться в светские дела, так и государство не должно вмешиваться в дела Церкви [27, с. 29].

Указ 17 октября 1906 г. «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин» предоставлял старообрядцам и сектантам право регистрировать свои общины, а также свободно отправлять религиозные обряды. Как оценил вклад русского государства в устройство старообрядческой общины профессор-канонист И.С. Бердников, то был «опыт устройства религиозных общин гражданским порядком и на государственный счет», какого не было ни в одном из европейских государств¹⁴. На основании указа 17 октября 1906 г. в 1907–1910 гг. в России организовалось около 1 500 старообрядческих общин. Старообрядцы, между тем, считали его несовершенно, не затронувшим всех сторон их церковно-общественной жизни [22, с. 182–183].

Мельгунов признавал указ 17 октября 1906 г. большим шагом вперед в сравнении с предшествовавшей практикой регламентации жизни старообрядцев и сектантов. Он отмечал, что если ранее, согласно акту от 3 мая 1883 г., заводить скиты и обители в России категорически запрещалось, а смотрителями замещавших их богаделен назначались чиновники МВД, то с 17 октября факт существования старообрядческих и сектантских обществ был официально признан и им было предоставлено право ведения метри-

¹³ Мельгунов С. Изуверные секты и веротерпимость // Русские ведомости. 1905. 2 авг. № 207.

¹⁴ Церковные ведомости. 1907. № 28. С. 1126, 1129.

ческих книг, устранявшее зависимость от духовных консисторий и полиции [28, с. 79].

Вместе с тем о сугубо благотворном влиянии указа 17 октября на быт старообрядцев публицист говорить не спешил. Главный его недостаток представлялся в сохранении административной опеки над религиозными обществами. Складывалась парадоксальная, по его мнению, ситуация, когда огромные старообрядческие общины, такие как Рогожская и Преображенская, не получали права на функционирование. Регламентируя жизнь религиозных обществ, указ не разрешал вопроса о регламентации публичного оказательства вероучения, несогласного с учением господствующей церкви [29, с. 185, 188].

Проблемные места в правовом положении старообрядцев после выхода в свет указа 1906 г. Мельгунов объяснял политическими аргументами, а преследования сектантов в 1908 г. – отождествлением религии с политикой. Так, ввиду соображений о политической неблагонадежности баптистов орловский губернатор, по сведениям Мельгунова, закрыл их молитвенные собрания. Киевский губернатор пошел на аналогичный шаг ввиду того, что на молитвенных собраниях баптистов присутствовало несколько православных. Такие аргументы не были предусмотрены законодательством. В ответ на жалобы сектантов последовали разъяснения МВД о предоставлении им указами 17 апреля 1905 г. и 17 октября 1906 г. права свободного исповедания их вероучения, а также перехода в другое исповедание; политическая неблагонадежность не могла служить препятствием к совершению богомолений. Подобные аргументы спустя три с половиной года после провозглашения в России свободы совести выглядели анахронизмом. Мельгунов прогнозировал, что свободы совести в России не будет до тех пор, пока правительство не примет твердого конституционного курса.

К близкому выводу приходил и правовед С.А. Котляревский, выступивший с серией статей о законопроектах о старообрядцах. Котляревский также признал несостоятельность политики недоверия и ограничений по отношению к старообрядцам. Он указывал, что именно старообрядческое население в западных губерниях выступало одним из главных противников полонизации края. Котляревского смущала аргументация представителей РПЦ, сравнивавших старообрядцев с революционерами. Подобная риторика, по его словам, возвращала Россию

к временам, когда блага гражданской свободы, дарованные указом 17 апреля и Манифестом 17 октября, считались беспочвенными утопиями¹⁵.

4. Заключение

Подводя итог сказанному, отметим, что указы 1905–1906 гг. привели к заметному оживлению духовной и внецерковной жизни старообрядцев и сектантов, а также к развитию инфраструктуры создаваемых ими учреждений. Однако абсолютную свободу старообрядческим согласиям и сектантам они не предоставили.

Правоприменительная практика вобрала в себя все противоречия правовой политики думского периода, входя в ряде случаев в противоречие с содержанием указа о веротерпимости. Реализации провозглашенных свобод препятствовал укорененный в системе имперского управления принцип административной опеки, а также бюрократические методы проведения вероисповедной реформы. После 1910 г. правительство продолжило борьбу с независимым религиозным самовыражением. Усиливались консервативные тенденции в правительственной политике, и РПЦ стремилась утвердить превосходство. Православные иерархи высказывали недовольство «антиканонической» системой управления РПЦ и зависимым положением от государства, слабым материальным обеспечением приходских священников. Им казалось, что старообрядцы приобрели в 1905–1906 гг. больше прав, чем главенствующая конфессия.

Недружественные действия в отношении старообрядцев и сектантов получали поддержку местной администрации. Губернаторы ставили препятствия совершению старообрядцами религиозных процессий, не удовлетворяли их ходатайств о возврате отобранных у них святынь. В старообрядческих кругах отношение к ним признавалось неустойчивым [30, с. 207]. Последовавшие за указами 1905–1906 гг. многочисленные разъяснительные циркуляры создавали двусмысленные толкования. Силой вещей старообрядцы всё более втягивались в политику. Перспективы введения религиозной свободы всё чаще связывались ими с установлением конституционного строя. Справедливо умозаключение, что в начале прошлого века старообрядцы получили полноценный легальный статус на уровне отдельных общин, однако создания старообрядчества либо отдельных его согласий как всероссийских конфессий в империи не произошло [2, с. 564].

¹⁵ Котляревский С.А. Законопроекты о старообрядцах // Московский еженедельник. 1910. 29 мая. № 21. С. 1–8.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ясевич-Бородаевская В. И. Борьба за веру : ист.-бытовые очерки и обзор законодательства по старообрядчеству и сектантству / В. И. Ясевич-Бородаевская. – СПб. : Гос. тип., 1912. – 696 с.
2. Верняев И. И. Очерки истории этноконфессиональной политики в России / И. И. Верняев. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2017. – 637 с.
3. Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 г.) / С. Л. Фирсов. – М., 2002. – 623 с.
4. Энгельштейн Л. Скопцы и Царство небесное / Л. Энгельштейн ; пер. с англ. В. Михайлина. – М. : Новое литературное обозрение, 2002. – 328 с.
5. Мельников Ф. Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) Церкви / Ф. Е. Мельников. – Барнаул : Изд-во БГПУ, 1999. – 556 с.
6. Прозоров И. А. История старообрядчества / И. А. Прозоров. – М. : Третий Рим, 2002. – 227 с.
7. Керов В. В. Старообрядчество в 1917 г. / В. В. Керов // Российская история. – 2018. – № 1. – С. 143–160.
8. Шахов М. О. Старообрядчество, общество, государство / М. О. Шахов. – М., 1998. – 111 с.
9. Ершова О. П. Старообрядчество и власть / О. П. Ершова. – М. : Уникум-центр, 1999. – 203 с.
10. Керов В. В. Русская история сквозь призму старообрядческого фактора / В. В. Керов // Российская история. – 2014. – № 4. – С. 203–213.
11. Керов В. *Земля трудящемуся народу*: аграрный вопрос в политической программе старообрядцев / В. Керов // Quaestio Rossica. – 2019. – Т. 7, № 4. – С. 1243–1258. – DOI: 10.15826/qr.2019.4.436.
12. Waldron P. Religious Reform after 1905: Old Believers and the Orthodox Church / P. Waldron // Oxford Slavonic Papers. – 1987. – Vol. 20. – P. 110–139.
13. Селезнев Ф. А. Д.В. Сироткин и Всероссийские съезды старообрядцев в начале XX века / Ф. А. Селезнев // Отечественная история. – 2005. – № 5. – С. 78–90.
14. Селезнев Ф. А. Старообрядчество как контрэлита / Ф. А. Селезнев // Российская история. – 2014. – № 4. – С. 188–192.
15. Редькина О. Ю. Староверы Нижней Волги и Дона в конце XIX – XX веке / О. Ю. Редькина // Российская история. – 2012. – № 4. – С. 15–27.
16. Пигин А. Просительные и благодарственные письма старообрядцев в имперский период / А. Пигин // Quaestio Rossica. – 2020. – Т. 8, № 1. – С. 176–189. – DOI: 10.15826/qr.2020.1.455.
17. Старообрядчество в истории и культуре России: проблемы изучения : к 400-летию со дня рождения протопопа Аввакума / отв. ред. В. Н. Захаров. – М. : Ин-т рос. истории РАН, 2020. – 572 с.
18. Сафонов А. А. Государство и конфессии в поздней имперской России: правовые аспекты взаимоотношений / А. А. Сафонов. – М. : Проспект, 2017. – 349 с.
19. Дорская А. А. Проблема законодательного закрепления свободы совести в России в начале XX века : дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Дорская. – СПб., 2001. – 184 с.
20. Зырянов П. Н. Положение о старообрядческих общинах в Государственной Думе и Государственном Совете и вопрос о свободе вероисповеданий (1906–1911) / П. Н. Зырянов // Религия, общество и государство в XX веке : материалы конф. 22–25 окт. 1991 г. – М., 1991. – С. 45–54.
21. Эткинд А. М. Хлыст: секты, литература и революция / А. М. Эткинд. – М. : Новое литературное обозрение, 1998. – 642 с.
22. Мельников Ф. Закон и жизнь / Ф. Мельников // Церковь. – 1911. – № 8. – С. 182–185.
23. Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. – СПб., 2003. – Т. 2. – 649 с.
24. Кучинский С. А. Империя и религия: история незавершенных реформ / С. А. Кучинский // Империя и религия : к 100-летию Петерб. религиоз.-филос. собр. 1901–1903 гг. : материалы Всерос. конф. – СПб., 2006. – С. 7–20.
25. Мельгунов С. П. Воспоминания и дневники / С. П. Мельгунов. – М., 2003. – 527 с.
26. Панях Э. Предисловие научного редактора / Э. Панях // Право и правоприменение в зеркале социальных наук : хрестоматия совр. текстов / под ред. Э. Л. Панях и А. М. Кадниковой. – М. : Статут, 2014. – С. 3–7.
27. Емельянов Ю. Н. С.П. Мельгунов: в России и эмиграции / Ю. Н. Емельянов. – М. : Эдиториал УРСС, 1998. – 350 с.

28. Мельгунов С. Старообрядцы и свобода совести : (ист. очерк) / С. Мельгунов. – М. : Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1907. – 86 с.
29. Мельгунов С. П. Старообрядческие и сектантские общины (Закон 17 октября 1906 г.) / С. П. Мельгунов // Церковь и государство в России: к вопросу о свободе совести : сб. ст. – М., 1907. – Вып. 1. – С. 184–190.
30. Мельников Ф. Министерские ответы на ходатайства старообрядцев / Ф. Мельников // Церковь. – 1913. – № 9. – С. 204–207.

REFERENCES

1. Yasevich-Borodaevskaya V.I. *The Struggle for Faith*, historical and everyday essays and a review of legislation on Old Believers and Sectarianism. St. Petersburg, State tipography Publ., 1912. 696 p. (In Russ.).
2. Vernyaev I.I. *Essays on the History of Ethno-confessional Politics in Russia*. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2017. 637 p. (In Russ.).
3. Firsov S.L. *The Russian Church on the Eve of Changes (late 1890s – 1918)*. Moscow, 2002. 623 p. (In Russ.).
4. Engelshtein L. *Castration and the Heavenly Kingdom*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2002. 328 p. (In Russ.).
5. Mel'nikov F.E. *A brief history of the Old Orthodox (Old Believer) Church*. Barnaul, Barnaul State Pedagogical University Publ., 1999. 556 p. (In Russ.).
6. Prozorov I.A. *The history of the Old Believers*. Moscow, Tretii Rim Publ., 2002. 227 p. (In Russ.).
7. Kerov V.V. Old believers in 1917. *Rossiiskaya istoriya = Russian history*, 2018, no. 1, pp. 143–160. (In Russ.).
8. Shakhov M.O. *Old Believers, society, state*. Moscow, 1998. 111 p. (In Russ.).
9. Ershova O.P. *Old Believers and the government*. Moscow, Unikum-tsentr Publ., 1999. 203 p. (In Russ.).
10. Kerov V.V. Russian history through a lens of the Old belief. *Rossiiskaya istoriya = Russian history*, 2014, no. 4, pp. 203–213. (In Russ.).
11. Kerov V. *Land to the Working People: The Agrarian Question in the Political Programme of Old Believers. Quaestio Rossica*, 2019, vol. 7, no. 4, pp. 1243–1258. DOI: 10.15826/qr.2019.4.436. (In Russ.).
12. Waldron P. Religious Reform after 1905: Old Believers and the Orthodox Church. *Oxford Slavonic Papers*, 1987, vol. 20, pp. 110–139.
13. Seleznev F.A. D.V. Sirotkin and the all-Russia conventions of Old Believers in the early XXth century. *Otechestvennaya istoriya*, 2005, no. 5, pp. 78–90. (In Russ.).
14. Seleznev F.A. The Old believers as a counter-elite. *Rossiiskaya istoriya = Russian history*, 2014, no. 4, pp. 188–192. (In Russ.).
15. Red'kina O.Iu. Old Believers of the Lower Volga and Don region in the late of the XIX–XX century. *Rossiiskaya istoriya = Russian history*, 2012, no. 4, pp. 15–27. (In Russ.).
16. Pigin A. Old Believer Letters of Request and Thanks during the Imperial Period. *Quaestio Rossica*, 2020, vol. 8, no. 1, pp. 176–189. DOI: 10.15826/qr.2020.1.455. (In Russ.).
17. Zakharov V.N. (ed.). *Old Believers in the History and culture of Russia: problems of study*, on the 400th anniversary of the birth of Archpriest Avvakum. Moscow, Institute of Russian History of the RAS Publ., 2020. 572 p. (In Russ.).
18. Safonov A.A. *The State and Confessions in Late Imperial Russia: Legal aspects of Relations*. Moscow, Prospekt Publ., 2017. 349 p. (In Russ.).
19. Dorskaya A.A. *The problem of legislative consolidation of freedom of conscience in Russia at the beginning of the XX century*, Cand. Diss. St. Petersburg, 2001. 184 p. (In Russ.).
20. Zyryanov P.N. Regulations on Old Believer communities in the State Duma and the State Council and the issue of religious freedom (1906-1911), in: *Religiya, obshchestvo i gosudarstvo v XX veke*, Proceedings of the Conference on October 22–25, Moscow, 1991, pp. 45–54. (In Russ.).
21. Etkind A.M. *The Russian Flagellant: Sects, Literature, and Revolution*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1998. 642 p. (In Russ.).
22. Mel'nikov F. Law and life. *Tserkov'*, 1911, no. 8, pp. 182–185. (In Russ.).
23. *From the archive of S.Y. Witte. Memories*, vol. 1. St. Petersburg, 2003. 649 p. (In Russ.).

24. Kuchinskii S.A. Empire and Religion: A history of incomplete Reforms, in: *Imperiya i religiya*, to the 100th anniversary of the St. Petersburg Religious and Philosophical Meetings of 1901–1903, Proceedings of the All-Russian Conference, St. Petersburg, 2006, pp. 7–20. (In Russ.).
25. Mel'gunov S.P. *Memoirs and diaries*. Moscow, 2003. 527 p. (In Russ.).
26. Paneyakh E. Preface by the scientific editor, in: Paneyakh E.L., Kadnikova A.M. (eds.). *Pravo i pravoprименение v zerkale sotsial'nykh nauk*, reader of modern texts, Moscow, Statut Publ., 2014, pp. 3–7. (In Russ.).
27. Emel'yanov Yu.N. *S.P. Melgunov: in Russia and emigration*. Moscow, Editorial URSS Publ., 1998. 350 p. (In Russ.).
28. Mel'gunov S. *Old Believers and Freedom of Conscience*, Historical essay. Moscow, G. Lissner and D. Sobko Publ., 1907. 86 p. (In Russ.).
29. Mel'gunov S.P. Old Believers and Sectarian Communities (Law of October 17, 1906), in: *Tserkov' i gosudarstvo v Rossii: k voprosu o svobode sovesti*, collected articles, iss. 2, Moscow, 1907, pp. 184–190. (In Russ.).
30. Mel'nikov F. Ministerial responses to the petitions of the Old Believers. *Tserkov'*, 1913, no. 9, pp. 204–207. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Туманова Анастасия Сергеевна – доктор юридических наук, профессор, профессор департамента теории права и сравнительного правоведения факультета права
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
123022, Россия, г. Москва, Большой Трёхсвятительский пер., 3
E-mail: atumanova@hse.ru
ORCID: 0000-0003-3469-7144
ResearcherID: K-6105-2015
Scopus AuthorID: 39764677100
SPIN-код РИНЦ: 4615-9417

Сафонов Александр Александрович – доктор юридических наук, профессор, профессор департамента теории права и сравнительного правоведения факультета права
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
123022, Россия, г. Москва, Большой Трёхсвятительский пер., 3
E-mail: asafonov@hse.ru
ORCID: 0000-0003-3577-5490
ResearcherID: K-6059-2015
SPIN-код РИНЦ: 9507-3097

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Туманова А.С. «Золотой век русского старообрядчества и сектантства»: реформа правового статуса старообрядцев и сектантов 1905–1906 гг. сквозь призму правоприменения / А.С. Туманова, А.А. Сафонов // *Правоприменение*. – 2023. – Т. 7, № 1. – С. 5–14. – DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(1).5-14.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Anastasia S. Tumanova – Doctor of Law, Professor; Professor, Department of Theory of Law and Comparative Law, Faculty of Law
HSE University
3, Bol'shoi Trekhsvyatitel'skii per., Moscow, 123022, Russia
E-mail: atumanova@hse.ru
ORCID: 0000-0003-3469-7144
ResearcherID: K-6105-2015
Scopus AuthorID: 39764677100
RCSI SPIN-code: 4615-9417

Alexander A. Safonov – Doctor of Law, Professor; Professor, Department of Theory of Law and Comparative Law, Faculty of Law
HSE University
3, Bol'shoi Trekhsvyatitel'skii per., Moscow, 123022, Russia
E-mail: asafonov@hse.ru
ORCID: 0000-0003-3577-5490
ResearcherID: K-6059-2015
RCSI SPIN-code: 9507-3097

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Tumanova A.S., Safonov A.A. "The Golden Age of the Russian Old Believers and Sectarianism": reform of the legal status of Old Believers and sectarians 1905–1906 through the prism of law enforcement. *Pravoprименение = Law Enforcement Review*, 2023, vol. 7, no. 1, pp. 5–14. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(1).5-14. (In Russ.).